

Русской поэзии

Поэзия,
ты мой надел —
земля,
Надел нелегкий —
камни да болота.
Ты — пахота двужильная моя,
Трехсменная моя работа.
Я счастлив,
что судьба с тобой свела,
Не допустила нашего разлада.
Когда в бою был выбит из седла
И с врагом заворковала Лада,
Когда дружина предпочла—в кусты
И подлость подступила
с катапультой,
Поэзия,
единственная ты
Дежурила у пульса,
как у пульта.
Кропя меня своей живой строкой,
Со мною ты на вечном поле боя
Ведешь прямой наводкою огонь,
И я непобедим,
пока нас двое.

Антонин ЧИСТЯКОВ.

СКАЗ ОБ УМЕЛЬЦЕ КОРНЕЕ И ЗАВОДЧИКЕ БЕРГЕ

В издательстве «Московский рабочий» выходит новый сборник стихов нашего земляка Антонина Чистякова — «Откровение». Это — пятая книга поэта. Ниже публикуется одно из стихотворений из сборника «Откровение».

Над Москвою
На Спасской башне
Не Звезда полыхала,
Крест:
Тень — на фабрики,
Тень — на пашни,
Тень — на тысячи верст окрест.
И под этой зловещей тенью
У истоков речных дорог
Над лампадками в стеклодельне
Спину гнул окрестный народ.
Обнищание беспощадно
Вверх по Мсте,
По Тверце,
По Шлине
Гнало в гуту люд безлошадный
С худобою в мешке и в мошне.
В гуте,
Вязким стеклом мерцая,
Говорил Корнею отец:
«Трубку дали — с двумя концами.
Стеклодуву — один конец».
Дул, пока навсегда у трубки
Не сомкнул он с губой губу,
Не сложил узловатые руки
Под лампадкой в гробу.
И Корней,
Топорщась лопатками,
Принял трубку отца у печи,

Чтоб теперь и его лампадками
Русь мерцала в ночи.
И заводчик — немчин небогатый
Еще выше вознес трубу
На горбу у славян бородатых,
У славянских рек на горбу.
И сказал заводчик Корнею,
Предвкушая приток золотой:
— Сделай вазу лампы светлее,
Черпай золото вазой той.
— Где нам, темным, —
Схитрил,
И грани
Вечерами светлил тайком.
А внезапно чужак нагрянет —
Чудо-вазу Корней —
Молотком.

Знал: в разоре быть — не в позоре,
От корысти — не в честь медаль.
Знал, его медали — мозоли,
На которых цветет хрусталь.
Знал: последние дни отплясывала
Золоченая бергова трость.
В черной гуте зарево красное,
Как хрусталь,
Светилось насквозь.
И знамена в бою заалели.
И где бергова власть легла,

На высоком водоразделе —
Ни креста над ней, ни кола.
За окном только вьюга злится.
И умелец вазу-секрет
Развернул в цеху,
Как Жар-птицу,
Из тряпицы
На свет.
И Корнею за диво хрустальное,
За граненый огонь
Пролетарские премнальные —
Словно угли,
В ладонь.
И припомнился Берг,
Желтолобый,
С золоченой тростью,
Хромой:
«Найн! —
Ехидничает загробно. —
Цех не твой,
Цех, как прежде, мой...».
И метель — словно сто метелиц...
«Что ты каркаешь, ты ж —
мертвец?».

«Пусть мертвец.
Я и мертвый — владелец,
Не стекла, не станков,
Сердец!».
Усмехнулся Корней
И спокойно —
Мироеду в ответ:
«Обожжешься!
Еще не такой я
Разожгу огнецвет!»...

И созрела думка Корнея.
Двинув глыбами плеч,
Чубом кольчатым пламеней,
Подав красную шихту в печь.
Колыхнулось пламя густое.
От рубинового огня
Засветилась в дыму звездой
Растопыренная пятерня.
И опешил на миг:
А по цвету,
Удалась ли по цвету ему
Грань звезды,
Что собою планету
Озарит, разрубая тьму.
Замер мастер:
С чем ему свериться,
С чем сравнить ему цвет?
И в миг
Еспыхнул нож
И пробился от сердца
К рукаву
Горячий родник...
Славит мир рабочие руки:
Бескорыстья Звезда зажжена.
«Где ж ты, Берг?...»
Из-под савана вьюги —
Гробовая в ответ тишина.
Над Москвою на Спасской башне
Полыхнула — не крест — Звезда:
Свет — на фабрики,
Свет — на пашни, —
На Вселенную —
Навсегда.

Антонин ЧИСТЯКОВ.

Стихи Антонина

Из новой книги «Откровения»

О нет!
Пока я в мире,
А не в морге,
Мой добрый доктор,
Пожелай тревог!

БЕЛЫЙ БОР

Ты не жди...
Сверну к заре брусничной
И букет брусники наберу.
О тебе я, парень боровичский,
Загрущу в березовом бору.
О тебе, далекая, неверная,
Боровые загудят басы.
Встанут предо мною очи серые,
Серые, что сумерки грозы.
Встанет третий,
Что недолго радовал
Золотою кривизной кольца.
Вспыхнет перед ним в полнеба
радуга,

Что на наши оперлась сердца.
Уроню букет с тугими гроздьями.
Память зазвенит, как тетива.
Пусть в бору мою бруснику
позднюю

Черные клюют тетерева.
Пусть в бору к тебе все тропы
разом

Заметает чистый снег берез.
Не ему ли, белому, обязан
Тем, что нашей встречи
Не сбылось?!

* * *

Я от солнца не прошу тепла.
Пусть оно под осень редко греет.
Я хочу, чтоб жизнь добрей была
И друг к другу были мы добрее.

Просит кто участия, хмурим лоб
И не уделим минуты лишней.
Каемся, кладем монеты в гроб,
Если вдруг от нас уходит ближний.

Забываем, если грянул гром
И не помогли мы сердцу биться,—
Ни слезами и ни серебром
Нам от совести не откупиться.

Если мы к добру глухонемы
Или упрекнули караваем,
Помни, друг, не человека мы —
Человечность нашу зарываем.

ЛЕТОПИСЬ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Листаю летопись...
Таким великим
Ты не вставал.
Твои огни — у звезд...
А сколько раз
Встречался с черным лихом,
Под корень подрубающим твой
рост!

Твои кварталы,
Заводские трубы —
Под корень.
Ни кола и ни двора.
Раскачивали ветры в петлях трупы,
Где ныне на качелях — детвора.
Одна вода была цела в колодцах
Да камни в основании твоём.
Таким тебя седые полководцы
Из лиха вырывали под огнем...
Листаю летопись...
Мосты литые,
Цеха,
Дворцы —
За каждую строкой.
Продолжив летопись,
Свои твердыни
Пусть время впишет зодчего рукой,
Пусть впишет взлет
рукой звездoproходца,
Свершение каждого,
Кто в трудовом строю...
И только чтоб рукою полководца

Чистякова

Ни строчки больше —
В летопись твою.

* * *

Ты проста,
а я не так уж прост.
Я не беден, зря со мною споришь.
У меня в достатке
рос и звезд.
Не сочтешь вовек
моих сокровищ.
Я добром своим
вселенским

горд.
И постигнешь ты не сразу это...
Верно,
мой костюм — не первый сорт,
Выгорела синева берета,
Блеск ботинок смыли зелены...
Но меня встревожило не это,
А вот то,
что смотришь на меня
С точки зрения товароведа.

КУКУШКИН ЛЕН

Есть ли травы
от размолвки горькой,
В этом я пока не убежден.
Только знаю, мне с тобой на зорьке
Проходить через кукушкин лен.

О, как свеж и нежен он к восходу!
Зелен и прозрачен, как роса.
Отожми его лесную воду, —
В ней твои засветятся глаза.

А как солнце брызнет сквозь
вершины,
Вспыхнет в нем кукушкино перо
И в прибрежной утренней тиши нам
Озеро рассыплет серебро.

В зарослях ольхи отыщем весла
И навстречу дню в обнимку вновь...
О кукушкин лен!
В рассвете росном
Прокукуй нам долгую любовь!

ПОЖЕЛАЙ МНЕ, ДОКТОР...

Мой добрый врач,
Я знаю,
Ты талантливый.
И руки — золото,
И многотрудный стаж.
И все же... все же
Никакой гарантии
Ты сердцу моему не дашь.
Советуешь ему среду другую,
Спокойную.
Ну, что ж, благодарю.
Но, понимаешь, сердце не могу я
Укрыть от вихрей времени в броню.
И так ряды в атаках поредел:
Сердца друзей — под каждой
высотой.

Так пусть мое
На роковом пределе
Толкает кровь
Орбитою крутой,
Пусть за живых
Гудит оно в тревоге,
Последний трудный делая виток...

Рассердился на плес озерный.
До полуночи в лодке кружу.
Зябну с удочкой в полнозорье,
Часом кланяясь даже ершу.
...Есть в Москве остановка
«Рыбалка»...

Пруд, как цирк.
Над ареною ловко
Свищут удочки —
высший класс.

Остановка
И обстановка —
За три белых монеты в час.
Ослепительно!
Только вот жалко:
Карпов здесь из пруда —
Без труда...
Нет,
Уволь,
Остановка «Рыбалка»!
Не зови,
Не сойду никогда!
Мне не надо здесь рыбы зеркальной,
Золотой
Мне не надо,
Нет!

Ты прости меня,
Плес мой дальний...
Вновь плыву
В окуневый рассвет.

АНТОНИН ЧИСТЯКОВ.

Озеро Шерегодро

Не тебе ль,
Шерегодро,
мятежной
Радостью своей обязан я?
Сколько раз в лодчонке с силой
вешней
Ты окатывало синевой меня.
Я крещен в твоих озерных грозах.
Голос мой в твоих борах окреп.
Чистотой твоих пресветлых плесов
Я определен на трудный хлеб.
Нелегко мне простота дается.
Нелегко дается правота.

Что же ты не спросишь,
как живется?
Верю, что живая ты вода!
И куда пути не увели бы,
Знаю,
хоть и норов твой суров,
Тянутся ко мне твои заливы,
Голубые тени островов.
И когда из сил последних выбьют
В этом радостном земном бою,
Я приду к твоим пречистым зыбям
По глубынь,
по моготу твою.
Антонин ЧИСТЯКОВ.

О, КАК ТЫ ВЕЛИК, ЧЕЛОВЕК!

ПРИГОРОДНЫЙ ОСИННИК
вдруг расступается, и голубизну северного неба прочерчивает сваренное из стальных труб имя этой стройки: «Всесоюзная ударная комсомольская...»

И нет в словаре подходящих существительных, чтобы точно назвать все эти хитро переплетающиеся вертикальные, горизонтальные, цилиндрические, зигзагообразные и ажурные конструкции. Царство бетона, стали и стекла. Тесно и непроходимо. А на разгрузочной площадке громоздятся все новые и новые детали. На платформе коленообразной серебристой секции — полметра нетронутого снега. Деталь ехала с севера. А в щелях дощатой упаковки другой детали — зеленые листья кипариса. Это — южанка. Со всех концов страны, из-за рубежа прибывают сюда эти колоссы. И, послушные умным рукам монтажников, становятся частью Новгородского химического.

Полтысячи монтажников — полтысячи судеб. Вот три из них.

Михаил Бабаев — бригадир. Его дед пахал саратовский чернозем. А он стал монтажником. Строил химкомбинат в Ангарске, возводил корпуса в Забайкалье, цементный завод в Спасске на Дальнем Востоке. У него две дочери. Галя родилась в Волжске, са-

мом юном городе страны, а Таня у нас, в древнем городе на Волхове. Родилась, когда он смонтировал здесь, в лесу под Новгородом, первый подъемный кран.

И древние попятятся леса
Над Волховом от грома
проливного.

Под солнцем вырастают
корпуса

Из недр планеты
С цикла
Нулевого.
Грустили,
Улетая,
Журавли
Своей осиново-грибную
грустью:

Здесь всеедино —
Разум всей земли
И уж не пахнет
Вечевой Русью.
И лимузины,
Тормоза полет,
Невольно тормозят
Спесивый гонор..
Наслаивается в котлованах лед.
В них сиверком
Вморожен птичий гомон.
Весной оттает журавлиный

Когда восторг в молве
испечелим мы,

Он протрубит:
— О! Как же ты велик,
Коль рук твоих деянье —
Исполины!

Да, как же ты велик, человек! Рядом с судьбой первого краноставы вырастает судьба инженера Леониды Панычева. Он — из Новосибирска. Отца своего Леонид не помнит. Было ему четыре месяца от роду, когда Филипп Панычев, не сломленный духовно, пал жертвой черного навета. Поздняя реабилитация — малое утешение. Но сын высоко несет честь отца, честь революционера-ленинца.

Тяжел газгольдер —
В нем сорок тонн.
В трясине,
Как в мыле,
Гусеницы.
Но чутки тросы.
Над ними он —
Словно Садко над гусями.
Порою нагрянет взыскательный
бас:

Контроль
Здесь король —
Разумеется.
И разразится
Грозю подчас:
— Буксуешь в грязи
полмесяца!

Но грязь от погоды,
Не от него...
В жилетку здесь плакать —
Лишнее...
Тут — музыка,
Мужество и колдовство,
И математика
Быстрая.

И вот самая юная из юных. Кате всего шестнадцать. Но судьба этой девушки из-под Череповца — самая завидная. Начати биографию с Все союзной ударной — это тебе не лоток с газировкой. Здесь в гигантской оранжерее выращивают богатырский метанол. Что такое? А популярно говоря, это и пластмассы, и каучук, и лекарства, и стиральный порошок, и кое-что другое. Здесь и вторая очередь стройки — колоссы на железобетонных ногах, мне их хочется назвать нежным именем — хлебобобы. Да! Это будущие кормильцы. Они дадут обильные аммиа почвам нашего Сдут они силу и «Рабочий», откуда благословения Николова.

Колосс.

Даст колос.

И большего не скажешь. Да и трудно сказать лучше, чем сказал по-пушкински безымянный мел на вороненой выпуклости гигантской трубы:

Из тьмы лесов, из топи болот
Вознесся новый комбинат.

Тысячи рук строят это великое сооружение. Из них большинст-

Катя НИКОНОВА.

во — новгородцы. Строители — где бы ни родились — стали именоваться новгородскими, как те дивизии, что освобождали колыбель Руси от фашистских псов.

Стоит и будет вечно стоять памятник «Тысячелетие России»,

Стоит и будет вечно стоять на постаменте танк при въезде в наш город.

Встал и будет вечно стоять Новгородский химический. И вполне возможно, кран Михаила Бабаева будет третьим монументом Господина Великого Новгорода.

Антонин ЧИСТЯКОВ.
Рисунки В. Фролова.

Леонид ПАНЫЧЕВ и Михаил БАБЛЕВ.

Антонин
ЧИСТЯКОВ

ПРАЗДНИК русской березки

«В троицу» провести праздник русской березки...».
(Из протокола сельского собрания).

Кому-то праздник, мне — поминки...

Пойду над всплесками озер
сначала к маминной могилке,
потом к березе —
в белый бор.

Стоит у пустыря береза,
где ныне — белые грибы,
где от печи — бугор белёсый,
четыре камня — от избы.
С едва заметною горбинкой,
с продольным шрамом
на боку

стоит береза у тропинки
то в изумруде,
то в снегу.

Но бор ее не этим дорог,
не по нарядам с ней знаком,
она меня
грудного
в голод
своим кормила молоком.

Весенний сок ее —
живица,
и ствол лучами набелен...
Ну, а зачем же —

на божницу?
Зачем — на уровень икон?
Но вставший в менторскую
позу

нам ставит —
хочешь или нет —
превыше солнышка березу
иной осиновый поэт.
Она — и белая принцесса
и первозданная краса...
И в троицу,
и в праздник леса
ей льстят в глаза и за
глаза.

Пройдись светорекламой
броской,

как будто клином белый свет:
«Березка» — бар,
отель — «Березка»
и кафетерий и балет...
Изменчив рок ее,
коварен:

от родников лесных вдали
ей над остриженным

бульваром
неоном косы подожгли.

Березка,
Синяя,
без платья,
кричит с неоновых небес:

«Не надо праздника!
Отстаньте!

Пустите в лес,
в мой белый лес!»

Гостям непрошеным не рады,
Не рады празднику в лесу.

Но лимузины,
с автострады
свернув,
врезаются в росу.

Транзисторы
разбойно свищут.

Шальной удар —
наискосок,

и по кривому топорнищу
из раны —

сукровицей —
сок.

Из сумки —
водка для согрева —
к новорожденному костру.

Из пьяной глотки —
«кор-ро-лева»,
как из транзистора в бору.

В золу окурки, пробки
вмяты.

Вдруг кто-то в праздничном
пылу

остервенело,
как гранатой,
пустой бутылкой —
по стволу.

Осколки.
Скрюченные ветви.
И обгоревшая листва.
Не белый бор,
а лагерь смерти.

Береза-мать
черна,
мертва.

Березы каждая прожилка —
живая плоть моей судьбы.

Мне в душу — колоколом
зыбка

из замороженной избы.

В глаза мои —
не рестораны —
в березовые весны те
бинтует Русь
берестой раны
и пишет вновь на бересте.

В глаза —
берестяные лапти,
что маме больше не нужны,
осиротевшие полати
и печь сугробной белизны,
и стужа низкая сквозная
из побелевшего угла,
и неожиданное пламя
из-под кирпичного чела;
сама себя сожгла береза,
и отступил от зыбки лед...

На подвиг,
что свершил Матросов,
береза каждый день идет.
Она в стране моей всесильной
во всю свою величину —
во всю натуру —
как светильник,
и ей корона —
ни к чему.

КОЛОСЬЯ ЛЮБВИ

НЕМАЛО в последнее время написано поэм и стихов на сельские темы. Кажется, трудно поднять новый пласт в этой тематике. Поэтому с интересом встречена читателями новая книга псковского поэта Льва Малякова «Заколдованное счастье», выпущенная «Лениздатом».

Углубление в самородную исконно русскую речь, улавливание чаяний деревни — эти черты творчества Льва Малякова прослеживались во всех трех предыдущих сборниках. Особенно четкими они были в книге «Страда», изданной в Москве.

Сын псковской деревни, сын ее сеятелей и хранителей, разделивший с ними партизанскую судьбу, он не забывал о них и в городе. В стихи прорывалось:

Задымилась густо над рекою,
Избы запорошила сирень...
Здравствуйте, стихов моих
герон,
Жители сутулых деревень.

Но поэт понимал: для верного изображения деревни мало сиреневой пороши, росной роздыми и тишины, подпаленной восходящим солнцем. Деревне мало пожелания здоровья и обещания, что:

...В стихах моих поймете
Даже не досказанное мной.

Естественным было ожидание нового слова. Хотелось услышать недосказанное. И вот в стихах новой книги «Заколдованное счастье» на подступах к ее одноименной поэме прозвучало:

Живешь, заботой городской
Насквозь прохвачен и прогрет,
И вдруг
Под ложечкой занает,
Да так,
Что почернеет свет.

В поэме два главных героя: Дарья и «первый парень на деревне», от лица которого говорится о событиях. Основной ее мотив — ответственность. Ответст-

венность за самое дорогое наше богатство, оставленное нам в наследство, — за землю. Герой поэмы говорит:

Тогда ты, может быть,
поймешь
Упрек родительницы кроткой,
Что без тебя растила рожь
И коротала век короткий...
Немалый срок.
Решений тьма,
Романов и того не мене,
Но ни решенья,
Ни тома
За плугом стариков не сменят.
И нам придется дать ответ
За все погибшие колосья...

Автор поэмы ведет читателя по шрамам прошлого, чтобы еще глубже понимать настоящее, чтобы знать цену добытой правды.

Труден путь героя поэмы — деревенского парня. Тут и горечь неразделенной любви, и сивушная отравка, тут и решетка вслед за отчаянной скобарской поножовщиной, и трагическое «освобождение» из тюрьмы, что пришло в мундире гестаповского вербовщика, тут кровь партизанская и новое крушение счастья личного.

Но силы, заложенные в самой природе нашего строя, одухотворяют героев поэмы в самые мрачные дни испытаний, выпавших на их долю, на долю родного края. И в поэме звучит неукротимая уверенность в торжестве счастья этого края:

И теперь в краю моем
мшарином
На земле не густо мужиков,
Но зато и к нам пришли
машины,
Как посланцы будущих веков.

Так честной рукой очерчивается, но не замыкается круг этого заколдованного счастья. Поэма завершается призывными строками:

И сынам —
Потомкам хлеборобов —
Не пора ли в мартовскую
стынь

Взять в ладонь
Земли морозной пробу
И почуять в ней
Июньскую теплынь.

Этот жизнеутверждающий призыв содержится и в других стихотворениях сборника. Поэт с благодарностью говорит о доброте земли, увиденной им не из окна вагона, а в лесной глуши партизанского края:

Мы кормились молотой корой
И хмелели от малинового чая.
Вот тогда и понял я впервые:
Безгранична доброта земная.
Доводилось мне потом

встречать
Посуровее края и посердечней,
И везде и всем земля — как
мать,
В доброте и щедрости извечной.
У моей единственной мечты
Из веков проторена дорога:
Людам бы вот столько доброты
Черноземной,
Искренней
И строгой!

Это сказано просто. И в этой высокой простоте — истинная по-

эзия. Утверждения о том, что стихи, где все понятно, как в газете, — не поэзия на нашей почве, где «русский дух, где Русью пахнет», не привьются, для нас инородны по корням и сути. Нам понятны строки «Слова о полку Игореве», «Полтавы» и «Мцыри», строки «Анны Снегиной» и «Проданной Венеры». И наоборот, за пределами русской поэзии лежат ребусы типа таких, например, строк Андрея Вознесенского:

Приветик, Трофим Денисычи
и мудрые Энгельгардты.
2=1 большей 3 000 000 000!

Долг стихотворной строки — подымать душу созидającego человека, как подымает пашню пятилемешный плуг. Поэт Лев Маляков своим глубоко народным и по-своему емким словом делает это с любовью и достоинством земледельца. Наиболее удавшиеся стихи «Начало», «Доброта моря», «Земля» и поэма «Заколдованное счастье» — это гимн любви к земле, душевная забота о том, чтобы не скудели, а тяжелели колосья дел человеческих, колосья любви и дружбы, колосья чести и совести. Его поэзия обращена к нам и через нас в будущее.

Антонин ЧИСТЯКОВ.

Верность теме

С творчеством Антонина Чистякова новгородский читатель знаком уже давно. Именно здесь, в Новгороде, вышла в 1955 году первая книга поэта, воспевающая родной край.

За двадцать лет А. Чистяков выпустил несколько поэтических сборников, а недавно в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» увидела свет его книга под названием «Светелка». Поэт остался верен своей теме: как и прежде, он пишет прежде всего о своих сверстниках, прошедших через огонь войны.

Поэт — участник обороны города на Неве, испытал на себе тяготы блокадных будней. Быть может, потому запоминаются стихи о Ленинграде военной поры, где «блокадный хлеб, что с привкусом земли», где «разрезана ночь на ломти ножами прожекторов». Поэт с гордостью говорит: «Все девятьсот блокадных дней — за далью. Но разве здесь не ощущаешь ты, как остро пахнут порохом и сталью поныне ленинградские цветы?»

Прошлое для А. Чистякова — это биография его поколения, шагнувшего сразу же после школьной скамьи на фронт. С пронзительной болью о погибших в боях звучит «Баллада о парламенте», которая начинается так:

Вверх от волховских синих
промоин

К дотам черного арtpолка
Поднялся безоружный воин.
На пакете у сердца — рука.
Позади, за рекою, в тучах
Светлоглазый плечистый

храм

Поднял крест
над нередицкой кручей,
О пощаде взывая к врагам.
Над его алтарем между

окоп,

Мертвой святости вопреки,
С древней кисти в одеждах
пророков

Встали ильменские рыбаки.

Парламентер шел с требованием прекратить варвар-

ский артобстрел архитектурного памятника, но был предательски убит...

Падая редкий снежок
Сквозь солнце

И не таял,

Светел и тих,

На бескровном лице

комсомольца,

На раздробленных ликах

святых...

Было ли так на самом деле? Или это художественный вымысел? Наверное, не столь важно. Главное — автору удалось показать звериную сущность фашизма.

Автор «Светелки» постоянно обращается к истории. И это понятно: богато прошлое новгородской земли. В таких стихотворениях, как «Зима — седая повилика», «Александр Невский в Новгороде», «Волхов», «Были пращуров новгородцами», «Боровичане», «Краски Дионисия», и других поэт от давно минувших времен протягивает нить к сегодняшним дням. И мы, читая эти стихи, чувствуем непрерывность движения времени. Связь времен нерасторжима, она — суть самой истории, творцом которой является народ, свершивший Октябрьскую революцию и приступивший к строительству коммунистического общества. Свои раздумья об исторических судьбах России А. Чистяков продолжает из сборника в сборник.

В книге опубликована большая поэма «Зябь», впервые в сокращенном варианте напечатанная в журнале «Нева» № 8 за 1976 год. Она о людях Нечерноземья, их труде.

В лучших своих произведениях А. Чистяков находит точные эпитеты, свою собственную интонацию. Но есть в сборнике и «проходные» стихи, страдающие гладкописью и бесцветностью. Правда, таких стихов немного. В целом же замечен шаг поэта вперед в художественном осмыслении жизненных явлений.

А. ЕЖОВ.

А. ЧИСТЯКОВ.

ПОЭТ НОВГОРОДСКОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Первая книга стихов «Край мой новгородский» нашего земляка Антонина Чистякова вышла в Новгороде в 1955 году. Она была отмечена сыновней привязанностью поэта к родному краю, к его памятному прошлому и социалистической нови. А в конце прошлого года в издательстве «Современник» вышла последняя, восьмая книга стихов безвременно ушедшего из жизни поэта — «Твердыни». В ней помещены его лучшие произведения из предыдущих сборников и стихи последних лет. И снова ведущей темой является тема созидательного труда новгородцев, верности своему патриотическому долгу.

Все, кто писал о книгах Антонина Чистякова, отмечали подчас публицистический запал многих его стихов. Но в этом выражалась активная творческая позиция его поэзии. Участник Великой Отечественной войны, ушедший в солдаты из девятого класса, он пронес через ее суровые испытания верность земле. На протяжении всей творческой жизни поэта волновала судьба родного края, новгородского Нечерноземья, вобравшего кровь и пот многих поколений земляков. Недаром слова

«подзол» и «суглинок» так часто встречаются в его стихах:

Никогда достатка
не сулил он,
Муравой подернутый
простор.
Погрузился здесь до плеч
в суглинок,
Поднимая землю,
Святогор.

Мотив преодоления «земной тяги», открыто прозвучавший в стихотворении под этим названием, варьируется в ряде стихов сборника и осмысливается как сознательное, творческое отношение к земле-кормилице, как приносящий глубокое нравственное удовлетворение труд на родных просторах, завещанный предками. Об этом Антонин Чистяков говорит и в стихотворении «Памятник тысячелетию России» («Нет, Россию никому трофеем на позор не увести в полон...»), и в стихотворении «Потому что люблю», где о земле сказано:

Люблю тебя такую,
Привычную к труду.
Не надо мне другую,
Счастливую звезду.

Об этом и в стихах «Прадед» («Он золото свое в фундамент России нынешней вложил»), «Два Федора», «Сиротский бугор» и других. Ве-

ковая мечта новгородского крестьянина о богатом урожае на этой земле, утверждает поэт, осуществима лишь в наше время, когда на поле поднимает борозды «крепкорукый тракторист».

Вот они, твердыни нашей жизни, нашего процветания в условиях мира и постоянной заботы партии о подъеме сельского хозяйства, о преображении Нечерноземья: верность родной земле, упорный творческий труд, готовность к ее защите от врагов. А стихи «Валдай», «Боровичи», «Новгород», «Деревня» и другие показывают, как исконное, унаследованное от прошлого и данное природой гармонически сочетается с созданным руками наших современников. Так, в стихотворении «Колхозный сад наш выглядит чудесно...» натруженные руки садовода красивы не менее выращенных им яблок:

Его ладонь и не заметишь
сразу,
Щербатую, в порезах,
с чернотой,
Поставившую яблони,
как вазы,
Наполненные спелой
красотой.

В связи с выходом книги «Твердыни», подготовленной к печати самим автором (он умер за год до ее выхода в свет), следует напомнить читателям, что в последние го-

ды Антонин Чистяков в соавторстве с известным прозаиком Федором Абрамовым выступил в печати с двумя содержательными очерками по острым проблемам русского Нечерноземья — «Пашня живая и мертвая» и «От этих весей Русь пошла». Основанные на знакомстве с новгородскими совхозами и колхозами, очерки эти проникнуты подлинной заинтересованностью в продуманном и осмысленном хозяйствовании на наших землях.

Таким образом, и поэзия, и публицистика Антонина Чистякова пронизаны общей заботой, общими с народом интересами. И от этой сыновней любви к своей малой родине простирается любовь поэта ко всей великой нашей Родине, которую его далекие предки, его отец, брат и он сам защищали от врагов. И с полным основанием поэт заявляет в открывающей книгу «Твердыни» стихотворении «Родословная»:

Всей родословной
утверждаю:
По всей стране
вокруг Кремля
Земля нигде мне не чужая,
Повсюду кровная земля.

Читатели найдут в книге Антонина Чистякова поэтическое выражение собственных переживаний и дум.

Л. ФРУМКИН.